

217
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Г. ЗАЙДЕЛЬ

335.5
3-17
28460

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ

ВТОРОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

П Р И Б О Й

1 0 3 1

31-19

97-1a

Г. ЗАЙДЕЛЬ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
ВТОРОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

(1889 — 1914 гг.)

I

~~БИБЛИОТЕКА
Клуба „Промстройсоюз“~~

28460

✓
ПРИВОЙ • 1931

Инв.

ОТ АВТОРА.

Настоящие «Очерки» представляют собой попытку, на основе материалов конгрессов Интернационала и социал-демократических партий, журнальной литературы и работ отдельных теоретиков и практиков рабочего движения, — поставить и осветить ряд проблем, которые либо недостаточно обработаны в литературе вопроса, либо излагались не систематически.

Некоторые части предлагаемой работы были уже напечатаны. Очерки первый и часть четвертого (посвященная «левому ревизионизму») представляют собой исправленные и дополненные статьи автора, напечатанные в «Книге для чтения по истории нового и новейшего времени», т. III. Очерк третий был напечатан в № 12 журнала «Под знаменем марксизма» за 1926 г. Остальные части книги печатаются впервые.

Автор не смотрит на свою работу как на вполне самостоятельное исследование выдвинутых им проблем. Исходя из основных предпосылок, намеченных в работах Ленина, автор стремился несколько пополнить те пробелы, которые имеются в уже вышедших работах советских историков. В некоторых случаях автор просто опирается на уже сделанные работы, считая, что ряд положений является доказанным и получил прочную научную ценность, не нуждающуюся в новых обоснованиях. Автор все же полагает, что если ему удалось хотя бы систематизировать материалы, дать им более правильное освещение и довести до сознания читателя кое-что новое, что ускользало из поля внимания других историков, то оправдание предпринятой работе уже найдено. Совершенно понятно, что все замечания, которые будут сделаны читателями и критикой, автор примет с благодарностью.

Автор считает своим долгом отметить, что он использовал материалы, любовно собранные Д. Б. Рязановым и его сотрудниками в Институте Маркса и Энгельса в Москве. За ценные указания в работе и предупредительное отношение к нему автор выражает благодарность тов. Э. Цобелю и сотрудникам кабинета по истории социализма гг. Байчу и Морозовой.

дифферентен к проблеме производства, которая господствует над всей социальной проблемой и определяет благосостояние всей нации». Конечно, Гед все же никогда не договаривался до таких пошлостей, как Зеваэс, но развязность последнего прямо вытекает из тех «центристских» формулировок, которые давал Гед по важнейшим вопросам рабочего движения.

Подобно тому как оппортунистические сползания немецкого «центра» во главе с Каутским породили появление «левых радикалов» в Германии во главе с Красной Розой, подобно этому в недрах французской партии безжизненный, догматический, выхолощенный марксизм Гедда вызвал свою противоположность — анархо-синдикализм Эрве. В Германии традиции были все же гораздо более революционно-марксистскими, а рабочий класс значительно более вышколен, чтобы появившиеся «левые радикалы» в какой бы то ни было степени напоминали крикливый «эрвеизм». Немецкая левая оппозиция до войны, как мы увидим, была наиболее пролетарски выдержанным отрядом на арене западно-европейского рабочего движения.

2. „Левый радикализм“.

После революции 1905 г., по мере того, как в решающих партиях Второго интернационала побеждает «официальный марксизм», трусливый «центризм», блокирующийся с правыми ревизионистами, в отдельных партиях формируется левая оппозиция. Там, где загнивание социалистических партий особенно сильно выражено, — во Франции, Англии, Италии, Соединенных штатах, — левая оппозиция принимает форму «левого ревизионизма» — анархо-синдикализма. Несмотря на сильные стороны этого течения: подчеркивание революционных методов борьбы, «прямого действия», антимилитаризма, антипарламентаризма и пр., анархо-синдикализм даже в учении Де-Лиона, одного из крупнейших революционных социалистов эпохи Второго интернационала, принимает столь реакционные черты, что он не может послужить подлинным кристаллизационным центром для всех революционных элементов в рабочем классе. Нет сомнения, — и Ленин это неоднократно подчеркивал, — что среди рабочих, шедших за анархо-синдикалистами, было много подлинных революционеров, которые впоследствии, — когда крах Второго интернационала явно обнаружился, а анархо-синдикализм сам обанкротился, — стали большевистским бродилом внутри рабочего движения отдельных стран. Это относится и к французским левым синдикалистам, до войны шедшим за группой Моната, и к немногим элементам внутри Социалистической рабочей партии Соединенных штатов, которые шли за Де-Лионом, и в особенности к английским синдикалистам, сторонникам Томаса Манна, которые действительно стояли во главе революционных масс в Англии в пору гигантских предвоенных стачек в этой стране. Но приход к большевизму, к подлинному революционному марксизму, к ленинизму был для этих анархо-синдикалистских рабочих, в особенности для вождей, чрезвычайно болезненным и зигзагообразным процес-

сом: слишком сильна была в них закваска «анархизма», голое отрицание парламентаризма, политической партии, борьбы за реформы, диктатуры пролетариата.

Вне России единственным течением, приближавшимся к ленинизму, было течение, возглавляемое «левыми радикалами» в Германии и так называемыми «трибунистами» в Голландии. Можно указать еще на болгарских «тесняков», которые, подобно большевикам, в 1903 г. организационно отделились от оппортунистов («широких социалистов»), но особого влияния на западно-европейское рабочее движение они не оказали.¹ Чтобы дать представление о наиболее близком, теоретически оформленном революционно-марксистском течении в рабочем движении Западной Европы, приближающемся к большевикам и ставшем действительным центром всех подлинно-марксистских элементов в одной из крупнейших партий Второго интернационала — германской, — можно ограничиться характеристикой немецких «левых радикалов». В выработке взглядов этой группы принимали участие и голландские «трибунисты»: Панекук, Гортер, Ролланд-Гольст и др., и взгляды этой группы можно считать в общем едиными, а духовным их главой — Розу Люксембург.

Начавшая свою политическую деятельность в 90-х гг. прошлого столетия, т. е. как раз тогда, когда вслед за западно-европейским рабочим движением на арену истории стал выдвигаться русский пролетариат, деятельница и немецкого и польского социализма, — Роза Люксембург в своем лице как бы символизирует попытку синтеза между «мирной» и революционной эпохой. Блестящая писательница и публицистка, крупнейший экономист и глубокий знаток Маркса, самостоятельный теоретик-мыслитель и практический организатор-революционер, Роза Люксембург получила опыт и закалку в недрах многочисленной и наиболее пролетарской по составу партии Второго интернационала, в недрах германской социал-демократии, детища Маркса и Энгельса. Дисциплину и выучку германской социал-демократии, тяжелесный, но мерный шаг рабочих батальонов, привыкших к организации и выдержке, — Роза Люксембург стремилась соединить с революционной стихией пробудившихся пролетарских масс Восточной Европы. Одна из немногих, Роза Люксембург выступила с жесточайшей и последовательной критикой ревизионизма, почуяла в русской

¹ «Тесняки» требовали исключения «широких социалистов» из рядов Второго интернационала, на Штутгартском конгрессе они поддерживали поправку Ленина — Розы Люксембург о войне. На Копенгагенском конгрессе Коларов от имени «тесняков» требовал установления Балканской Федеративной республики. Это же требование было повторено в адресе, розданном Кабакчиевым от имени «тесняков» против войны; адрес не был оглашен, вследствие противодействия члена М. С. Б., представителя «широких социалистов», Саказова. Однако «тесняки» по ряду вопросов расходились с большевиками; так они отмежевались от «сектантства» Ленина в организационных вопросах, не понимали необходимости превращения империалистической войны в гражданскую, — и во время войны в Циммервальде не присоединились к циммервальдской левой. См. статью Х. Кабакчиева — Путь к Коммунистическому интернационалу («Коммунистический Интернационал» 1929 г. № 9 — 10).

революции 1905 г. новое всемирно-историческое явление, в корне менявшее соотношение сил в капиталистическом мире. Она толкала партийный центр во главе с Каутским в этот период на резкую и сокрушительную борьбу с оппортунизмом. Во главе небольшой группы единомышленников она в годы, непосредственно предшествовавшие войне, выступает против Каутского, общепризнанного теоретика и вождя Второго интернационала, противопоставляя его трусливой теории и тактике революционную теорию и тактику. К моменту войны единомышленники Розы Люксембург — Панекк, Радек, К. Либкнехт, Меринг, Гортер и др. — становятся ядром будущей коммунистической партии Германии, организаторами группы «Спартак» и самыми близкими союзниками «циммервальдской левой» во главе с Лениным. Таков путь «левых радикалов» в эпоху Второго интернационала. Познакомимся теперь с основными чертами идеологии этой группы, идеологии, справедливо называемой в истории рабочего движения «люксембургянством».

Первые шаги «люксембургянства» связаны с борьбой против ревизионизма. Вслед за Парвусом, выступившим наиболее резко еще в начале 90-х гг. против «фольмаризма», Роза Люксембург в конце этого десятилетия обрушивается всей силой своей сокрушительной критики на писания Бернштейна. Она выступает в эту эпоху в союзе со «стариками» — Каутским, Бебелем и др., но уже тогда она не просто плетется в хвосте у них, а, наоборот, сама толкает их на решительные действия. Мало того, она осмеливается критиковать поведение «стариков» в борьбе с ревизионистами, она недовольна колебаниями, проявленными «стариками» в первое время. По поводу поведения Каутского и Бебеля на Штутгартском конгрессе Роза Люксембург после конгресса писала: «Нам было бы гораздо приятнее, если бы ветераны партии с самого начала дебатов приняли участие в сражении, тогда как на самом деле они пытались, наоборот, устранить самую возможность дебатов, отклонив внесенное единственно разумное предложение об особом пункте порядка дня, имевшее целью открыть и облегчить ведение дискуссии о тактике». Она протестует против слишком мягкого тона «стариков», против того, что те не сразу выступили, а «приглядывались к настроениям» партейтага. «Подобная тактика, — смело заявляет Роза, — не годится для партийных вождей в столь важном вопросе. Точно так же и заявление Каутского, что он до сих пор не высказывал своего мнения о теории Бернштейна, так как предполагал взять на себя заключительное слово в ожидавшихся дебатах, представляет, на наш взгляд, очень слабое оправдание. В феврале он публикует в «Neue Zeit» статьи Бернштейна без всякого редакционного примечания и затем четыре месяца хранит молчание. В июне он открывает дискуссию несколькими комплиментами Бернштейну по поводу его «новых» точек зрения, этой новой точки зрения на старый мотив катедер-социализма, затем опять умолкает на целых четыре месяца, тянет до партийного съезда и, наконец, во время прений заявляет, что собирался произнести заключительное слово». Какое блестящее описание трусливой позиции Каутского, который действительно

«неохотно» выступал против Бернштейна! И какой смелый, требовательный тон по отношению к вождю, который боится высказать свое мнение! «Мы желаем, — заканчивает Роза, — чтобы наш, так сказать, официальный теоретик высказывал всегда по важному вопросу собственное «свое» слово и не прятался бы за «заключительное слово», создавая ложное и тягостное впечатление, будто он сам долго не знал, что хочет сказать. Наполеоновская гвардия появлялась всегда в конце сражения, но нашу старую гвардию мы привыкли постоянно видеть в первой линии огня».

В противовес Каутскому Роза Люксембург прямо ставит вопрос о буржуазных источниках ревизионизма: о «катедер-социализме», об английском тред-юнионизме, которые вдохновили Бернштейна на «ратный подвиг» против марксизма. Не превзойдена ее критика «катедер-социализма», в частности «буржуазного Маркса», Зомбарта, в котором она справедливо видит тесного союзника и единомышленника Бернштейна. «Немецкая наука политической экономии, — пишет Роза, — состоит с давних времен на службе у полиции. Полиция укрощала социал-демократию дубинкой, а наука должна была выступить против нее с духовным оружием». Подобное же «духовное оружие» буржуазии против пролетариата Роза видит в «бернштейнианстве». Она подчеркивает эклектичность учения Бернштейна: «Из гордого, симметричного, дивного сооружения марксовской системы у него получилась огромная груда, в которой нашли братскую могилу осколки всяких систем, обломки мыслей великих и малых умов. Маркс и Прудон, Леон фон-Бух и Франц Оппенгеймер, Фридрих-Альберт Ланге и Кант, Прокопович и д-р Риттер, фон-Нейпаур, Геркнер и Шульце-Геверниц, Лассаль и профессор Юлиус Вольф — все они добавили по лоскутку к бернштейновской системе, у всех у них он побывал в выучке».

Решительно опровергая положения Бернштейна, доказывая, что марксовы законы действительны и для современной эпохи, что ревизионизм не поколебал ни одной мысли Маркса, Роза показывает ту социальную среду, из которой растет бернштейнианство; саркастически, с тонкой, злой иронией набрасывает она картину духовной близости между оппортунистами и буржуазными литераторами: «Подобно тому как на склоне эпохи расцвета древней Греции группировались около Перикла государственные мужи, философы, политики и художники, чтобы в непринужденной беседе воспарить до вершин человеческого духа и изведать тончайшие культурные достижения, так в одном берлинском кабаке собирались вокруг Перикла — Гардена социал-демократические государственные мужи, чтобы в обществе изящных женщин, вдали от суровой прозы классовой борьбы и потного запаха масс, поболтать о политике и искусстве, о возвышенном и веселом». Указывая, что социал-демократия обойдется без буржуазных литераторов и доцентов, так называемых «академиков», Роза подчеркивает, что «внутренняя связь социал-демократии с духовной культурой» коренится «не в родстве нашего движения с буржуазным обществом, а в его противоположности этому обществу». Каутский в-

видел социальных корней оппортунизма, он считал чуть ли не единственной причиной оформления ревизионизма смерть Энгельса. Роза Люксембург великолепно видит, что «партия в лице своего революционного ядра представляет промышленный пролетариат, а оппортунистическое крыло — проникшие в партию мелкобуржуазные элементы». По поводу защиты Шиппелем покровительственных пошлин и его теории изживания кризисов путем повышения расходов господствующих классов... на предметы роскоши и пр. — Роза Люксембург метко писала: «Такая идея может притти в голову только капиталистическому купцу, или, скорее, капиталистическому мелкому лавочнику (разрядка Р. Люксембург. — Г. З.), которому его непосредственные покупатели, «важные господа», кажутся столпами всего хозяйства. Шиппелевская теория — даже не отражение понимания капиталистического предпринимателя, а непосредственное теоретическое выражение точки зрения капиталистического лавочника».

Она подчеркивает, что в партии есть правая оппозиция, а не левая, что свобода критики может быть хороша тогда, когда она «усиливает нашу классовую борьбу», а «критика, стремящаяся к тому, чтобы повернуть наше развитие вспять и привести нас вообще к отказу от классовой борьбы и от нашей конечной цели, перестает быть фактором прогресса и развития, становится фактором разложения и гибели». ¹ Она требует подчинения дисциплине партии, осуждения не только теории, но и практики ревизионизма, она добивается ясной и четкой партийной линии центрального органа партии, «Форвертса», и разоблачает скрытый ревизионизм членов редакционной коллегии, повторяющей «слово в слово те же упреки, которые делает нашей партии Бернштейн». Она, наконец, в самом начале дискуссии делает определенные выводы о несовместимости пребывания в партии сторонников Бернштейна и требует их исключения. «Преодолеть нынешнее оппортунистическое течение значит его отбросить», — писала она в 1899 г. и предлагала предстоящему съезду очистить свои ряды от ревизионистов.

Особенно важно то, что Роза Люксембург критиковала не только теоретические основы ревизионизма, но боролась в первую голову против практики его, практики, часто разделявшейся и правлением партии, Бебелем и Каутским. Обозревая решения Штутгартского партийтага 1898 г., она отмечает, что нерешительность в борьбе с теорией Бернштейна повлекла за собой и уступку по вопросу о таможенной и торговой политике оппортунисту Шиппелю. «В окончательной своей редакции, — писала она, — резолюция Каутского не дает партии в таможенном вопросе, по нашему мнению, ни принципиального, ни практического руководящего начала. И та готовность, с какой Каутский, Бебель и другие редакторы пошли на компромисс с Шиппелем в форме

¹ Разрядка везде Р. Люксембург, за исключением оговоренных мест. Г. З.

маленькой вставки, доказывает нам, что они в ходе дебатов сами себе не уяснили, в чем в данном случае заключается центр тяжести позиции, которую они должны были занять против оппортунистов». А на партийном съезде в Ганновере она заявляет, подчеркивая всю гибельность практического ревизионизма, проникавшего в партию: «Я не придаю особого практического значения общим теоретическим дебатам об оппортунизме. Для меня важна борьба с ее конкретными проявлениями». (Разрядка моя. — Г. З.)

Отсюда вовсе не следует, что Роза Люксембург не понимала необходимости борьбы за теорию марксизма. Вместе со своими единомышленниками она неоднократно подчеркивала связь оппортунистической практики с ревизией основных теоретических предпосылок марксизма. «Пока теоретическое познание составляет в партии привилегию горсти «академиков», до тех пор партии неизменно угрожает опасность сбиться с верного пути. Мелкобуржуазная накипь и все оппортунистические течения, — заявляла она, — лишь тогда будут окончательно обессилены, когда широкие рабочие массы сами возьмут в руки острое надежное орудие научного социализма». (Разрядка моя. — Г. З.)

Разрабатывая больше экономические и политические основы марксизма, Роза меньше останавливалась на философских его предпосылках. Этим занимался ее единомышленник голландец Антон Панекук, который так определял основы марксистского мировоззрения: «Учение Маркса и Энгельса об обществе, учение, на котором целиком основан новейший социализм, тесно связано с совершенно новым мировоззрением, диаметрально противоположным обычным буржуазным взглядам. Основа этого мировоззрения, представляющая в то же время и основу всех мыслей, научных достижений и выводов Маркса и Энгельса, лучше всего определяется как диалектический материализм. Различные материалистические воззрения существовали и у буржуазных мыслителей, но всегда без диалектики: свое полное выражение, но в идеалистическом облике, получила диалектика у Гегеля. Лишь соединение диалектики с материалистическим методом познания дало возможность познать и разоблачить тайны общественной жизни и человеческого мышления».

В то время как ревизионисты типа Штампера заявляли, что «социал-демократия ни в каком отношении не связана с материалистическим мировоззрением», что «между материалистическими и социалистическими мировоззрениями нет постоянной, логической необходимой связи, и до сих пор никто не пытался доказать ее существование»; а Каутский, подпевая ревизионистам, объявлял, что можно быть социал-демократом и правоверным кантианцем, — «левые радикалы» (и в этом отношении только Ленин и Плеханов категорически высказывались в том же духе) стояли на той точке зрения, что марксизм равен диалектическому материализму, что отбросить материалистическую диалектику значит выхолостить живую душу марксизма. Панекук, вслед за Марксом, отвергал «естественнонаучный материализм», критикуя его за его «механичность», и заявлял, что «слабость и ограничен-

ность буржуазного материализма состояла в том, что в нем отсутствовали всякие следы общественной науки». В уже цитированной нами статье «Философские основы ревизионизма» Панекук писал, что «значение диалектики и выявляется главным образом в учении об обществе. Она не только показывает, что происходит развитие общественной жизни вообще, она, кроме того, указывает на то, что развитие — это движение среди противоречий, что противоречия во всегдашней действительности суть двигающие силы этого развития, поэтому без основательного понимания диалектического метода мышления нельзя понять и развития общественной жизни (разрядка Панекука. — Г. З.). Ошибочные суждения и недоразумения буржуазной мысли — включая сюда и ревизионизм — о капитализме и о рабочем движении почти все происходят от недостатка в ней диалектики».

Именно это понимание основ марксизма, признание материалистической диалектики как важнейшей предпосылки революционно-марксистского мышления, позволяли Панекуку, Розе Люксембург и всем «левым радикалам» делать правильные выводы о сущности ревизионизма. «Ревизионизм, — писал Панекук, — означает возврат... к научному буржуазному мировоззрению». А Роза в «Социальной реформе и революции» отмечала, что в основе теории Бернштейна лежит «механическое и недиалектическое мышление», что «бернштейновская теория приспособления представляет собой не что иное, как теоретическое обобщение точки зрения отдельного капиталиста».

Правда, как мы увидим из дальнейшего, в истолковании и применении материалистической диалектики «левые радикалы» делали ошибки: в особенности по вопросам соотношения «стихийности» и «организованности» в рабочем движении, об имманентных силах империалистического развития и пр., — но, тем не менее, именно признание диалектики, как основы мышления и развития природы и общества, делало «левых радикалов» выше на голову не только ревизионистов, но и «центристов» типа Каутского, с его формальным, механическим пониманием общественного развития. На Ганноверском партейтаге Роза Люксембург, подвергнув жестокой критике практику ревизионизма, говорила: «Товарищи, столь неправильно рисующие себе социализм, понимают эволюционную теорию в том смысле, что вносят маленькие поправки в диалектическое понимание истории (разрядка моя. — Г. З.), и вопрос снова оказывается благоприятно разрешенным. Из эволюционной теории, как ее понимают Маркс и Энгельс, они выбрасывают понятия крушений, социальных катастроф и таким образом получают очень приятное понятие эволюции, как ее понимает господин Брентано. Обращаясь к урокам истории, мы видим, что до сих пор каждая классовая борьба

неизменно протекала таким образом, что возвышающийся класс постепенно усиливался и развивался в лоне старого общества, путем незначительных успехов, законодательных реформ, пока он не оказывался достаточно сильным, чтобы сбросить старые пути при помощи социальной и политической катастрофы». (Разрядка Розы. — Г. З.).

Подчеркивание необходимости революции,¹ конечной цели рабочего движения, правильное сочетание реформы и революции, умение отделять минутные, временные интересы рабочего класса и отдельных его групп от движения в целом — вот что отличает Розу Люксембург от «центристов». В «казусе Мильерана» Роза Люксембург правильно усмотрела событие огромной исторической важности — первую серьезную попытку со стороны буржуазии разложить социалистическое движение путем подкупа вождей министерскими портфелями. «Трехлетний период во Франции, — писала она в своей работе «Коалиционная политика или классовая борьба?», — по нашему мнению, является столь же важным в истории международного рабочего движения, как — в другом смысле — десять недель Парижской коммуны 1871 г.». Несмотря на некоторые недомолвки и не всегда достаточно критическое отношение к «каучуковой резолюции» Каутского, Роза Люксембург в серии статей, посвященных политике Мильерана, дает блестящую критику оппортунистической политики жоресистов. «С необыкновенным мастерством, нередко напоминающим Маркса остротой анализа и блеском языка, она вскрывает всю пустоту и иллюзорность мысли, которую взяла на себя Мильеран и его приверженцы, и обнажает нагую сущность «защиты» свободы страны и демократических завоеваний буржуазными партиями и правительствами» (Ротштейн). Она вскрывает всю пустоту «социальных реформ»; о которых громко оповестил Мильеран, и показывает, как фракция Жореса все более и более превращалась в придаток реакционных буржуазных партий. «Как только министерству грозит падение, — писала она, — жоресисты готовы сдать все свои позиции; достаточно правительству поставить вопрос о доверии, и Жорес и его друзья покорно сгибаются под ярмо. Раньше стремились спасти республику, организовав защиту ей в лице правительства, теперь стремятся спасти правительство, отказываясь от защиты республики». В другом месте Роза так характеризовала оппортунистическую тактику жоресистов: «... Тактика Жореса построена на песке. Возрождение мелкобуржуазной демократии, целям чего должно было служить участие Мильерана в правительстве, в жертву чему и была принесена социалистическая оппозиция в палате, оказалось сплошным фантомом. Наоборот, приковав социалистический пролетариат к трупу мелкобуржуазного радикализма, Жорес парализовал единственную живую силу, которая могла бы отстоять во Франции республику и демократию». Она показывает, как политика жоресизма, сама того не

¹ Правда, Роза Люксембург делала в этом вопросе словесные уступки «центристам», как мы это покажем далее: она подчеркивала, что «революция может протекать... в культурных формах». Давление окружающей обстановки сказалось на «левых радикалах» не только в этой «уступке» центризму.

сознавая, подготавливает почву для буржуазных правительств, социал-демократов и людей, спекулирующих на бонапартизме. «Жорес, неутомимый защитник республики, подготавливающий почву для дезаризма, — это звучит как скверная шутка. Но подобные шутки, — замечает Роза, — повседневно попадают в историю. Такова уж постоянная участь буржуазных политиков: хватать рукой кончик катедер-социалистического, профессорского, ночного колпака, когда они протягивают руку к Сириусу, и угождать жертву чорту, сея для господ бога».

Роза — категорически против «гнилого» объединения социалистических партий во Франции: она требует отречения Жореса от его оппортунистической тактики и размежевания с Мильеранами. «Единство действий социалистов, — пишет она в статье «Конец социалистического кризиса во Франции», — возможно лишь в том случае, если лежащее в основе их социалистическое понимание даст им легко выводимый и единообразный метод для суждения о каждой отдельной практической проблеме. Такой метод может дать лишь принципиальная точка зрения, точка зрения принципиальной оппозиции существующему классовому государству, ибо подлинная сущность «принципов» состоит не в чем другом, как в едином освещении всех частных явлений с данной точки зрения».

Так расправляется Роза Люксембург с друзьями Мильерана, так намечает она линию принципиально-выдержанного в пролетарском духе поведения социалистических партий во Франции. Беспощадная критика, точная и четкая мысль, глубина анализа дают возможность Розе вскрыть социальную сущность тех социал-оппортунистических течений во французском социализме, которые, черпая свое теоретическое «вдохновение» у Бернштейна, разлагали рабочее движение и предавали рабочий класс буржуазии.

С такой же силой разоблачала Роза немецкий оппортунизм, в особенности баварцев. Она беспощадно вскрывала всю ложь заявлений социал-демократических баварских и других парламентариев, голосовавших за бюджет потому, дескать, что $\frac{9}{10}$ бюджета южных государств шло на культурные и общественные нужды. Она доказывала, что бюджет этих государств ничем принципиально не отличается от бюджетов других германских государств, что он служит для проведения против пролетариата буржуазных классовых целей. Она обрушивается на штутгартского социал-демократического депутата Линдемана, который участвовал в монархических манифестациях, и — по поводу требования этого предтечи Шейдемана иметь полную свободу в выполнении своих полицейских функций на посту обер-бургомистра — Роза Люксембург саркастически замечает: «Реальные политики лезут всюду, куда их избирают. Даже если бы папа римский был выборным лицом, они бы наверно и туда выставили своего кандидата». Она называет оппортунистов представителями «мелкобуржуазной монархической партии реформ».

Она требует на Нюрнбергском конгрессе снятия 17 баденских парламентариев с постов за нарушение ими партийной программы и дис-

циплины. Правда, она в организационных вопросах не всегда шла до конца: она преувеличивала роль «воспитательного метода», — это шло у ней рядом с переоценкой значения «единства партии», единства во что бы то ни стало. Поэтому, выступив в начале дискуссии с Бернштейном за исключение его вместе с его сторонниками из партии, она потом снимает свое предложение и затем уже не ставит вопроса об «организационных выводах» по отношению к оппортунистам. Это была одна из слабых сторон не только Розы, но и всей группы «левых радикалов», слабость, легко увязываемая с переоценкой «стихийности» над «организованностью», с некоторой дозой фатализма, присущего «люксембургянству» как мирозерцанию.

Но об ошибках «орицы» Розы надо судить в связи с эпохой и — объективно — обстановкой; мы на них подробно остановимся позднее. При всех своих ошибках Роза обладала огромным запасом революционной смелости и глубины, чтобы никогда не скатываться в объятия мелкобуржуазных политиков. Она практически участвует в революционных событиях 1905 г. и даже из тюрьмы руководит революционным движением. Она лучше всех западно-европейских социалистов улавливает и теоретически оформляет новый опыт и новые идеи, выдвинутые русской революцией. Под влиянием Розы Люксембург находится и Каутский в этот лучший период своей деятельности. Но Роза идет значительно дальше Каутского: без запутываний, оговорок и софизмов последнего она прямо ставит вопрос о необходимости западно-европейскому социализму усвоить уроки революции 1905 г. В предисловии, написанном к русскому изданию ее брошюры «Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия», Роза отмечает: «Против массовой стачки вообще не высказывается сейчас в Германии почти никто из деятелей рабочего движения. Но самую идею всеобщей забастовки каждое направление наполняет другим конкретным содержанием». Здесь Роза «берет быка за рога»: вопрос заключается не в голом признании важности уроков русской революции, а в революционном их истолковании. С точки зрения Розы «русская революция — не столько последний акт всех буржуазных революций XIX века, сколько предтеча новой серии будущих пролетарских революций, в которых сознательный пролетариат и его авангард, социал-демократия, предназначены исторически к роли вождя». Правда, в оценке революции 1905 г. Роза не сходится с большевиками, ее понимание сущности этой революции близко к троцкистскому. «В специальных политических условиях России, — пишет она, — русская революция реализуется... общие результаты международного капиталистического развития и является скорее предвестником новой серии пролетарских революций Запада, чем последним отзвуком прежних буржуазных революций». Единственной движущей силой русской революции Роза признает пролетариат. О крестьянстве она говорит вскользь, как об «оппозиционной» силе, не принимая однако в расчет эту силу при оценке «движущих сил» русской революции. Это не дает ей возмож-

ности правильно оценить и признать большевистский лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Но, несмотря на эти ошибки, Роза никогда не скатывалась к оправданию трусливой тактики меньшевиков в революции и никогда, подобно Плеханову, не говорила по адресу баррикадных бойцов, что «не надо было браться за оружие». «Немецкие рабочие, — пишет она, — должны смотреть на русскую революцию как на свое собственное дело, как на главу своей собственной социальной и политической истории». Выводы из уроков революции 1905 г. таковы: начинается новая страница в мировой истории, эра, которая должна привести к низвержению капитализма. Буржуазия во всем мире перестала играть какую бы то ни было прогрессивную роль. Парламентаризм окончательно выродился. На смену демократическим методам эпохи буржуазного либерализма приходят насильственные методы подавления пролетариата. Поэтому перспектива ясна: подготовка рабочих масс к революции. Но для этого необходима единая воля всего авангарда рабочего класса — социал-демократии, интернациональная солидарность международного пролетариата, теснейшее подчинение профсоюзов партии.

«Теория «равноправия» профессиональных союзов и социал-демократии, — заявляет Роза, — не является... простым теоретическим недоразумением, простым смещением. В ней находит свое выражение известная тенденция того оппортунистического крыла социал-демократии, которое действительно хочет свести политическую борьбу рабочего класса к узким рамкам парламентской борьбы и превратить социал-демократию из революционно-пролетарской партии в партию мелкобуржуазных реформ». Тем, которые пытаются доказать, что массовая стачка есть специфический продукт, вызванный политическими условиями России, Роза возражает: «Самая отсталая страна, именно потому, что она так непростительно запоздала со своей буржуазной революцией, указывает путь и методы дальнейшей классовой борьбы пролетариату Германии и самым передовых капиталистических стран».

Резко обрушивается Роза на руководителей профессионального движения в Германии, которые тянули немецких рабочих назад от революции. Одна из первых она ставит вопрос о социальных корнях оппортунизма в немецком профдвижении, о несменяемых чиновниках, профбюрократах. «Место коллегиальной, безвозмездной агитации комиссиями из местных товарищей, — пишет Роза, — агитации, ведущейся из побуждений чистого идеализма, заступает профессиональное, бюрократически урегулированное ведение дел при помощи, по большей части присылаемых со стороны, чиновников. Благодаря сосредоточению всех нитей движения в их руках, и самая способность понимания вопросов этого движения делается их профессиональной специальностью. Масса товарищей низводится до сознания массы, неспособной иметь свое собственное суждение, массы, которой вменяется в обязанность главным образом добродетель «дисциплины», т. е. пассивное послушание». Чиновничий слой профбюрокра-

тов, больше всего на свете боящихся революционных настроений масс, и является социальной базой оппортунизма в немецком рабочем движении. Пресловутая теория о «независимости» профдвижения выдвигнута чиновниками-профбюрократами для того, чтобы противопоставить революционным стремлениям социал-демократии пошленькую программу реформистских заплат на капиталистическом строе.

Масса и внутри социал-демократии и внутри профсоюзов едина в своем революционном стремлении сокрушить капиталистический строй, но оппортунистические руководители профдвижения представляют дело так, что между партией и профсоюзами существует разрыв. «Сложилось своеобразное положение вещей, — констатирует Роза Люксембург, — при котором то же самое профессиональное движение, которое в своих низах, среди широкой пролетарской массы, находится в полном единстве с социал-демократией, наверху, в организационной надстройке, резко отделяется от социал-демократии и утверждает себя рядом с ней, как вторая независимая великая держава. Немецкое профессиональное движение получает вследствие этого своеобразную форму двойной пирамиды, основание и тело которой состоит из одного куска, вершины же которой далеко отстоят друг от друга».

Вряд ли найдется в мировой марксистской литературе, за исключением работ Ленина, подобная четкая характеристика разрыва между революционными массами рабочего класса и оппортунистическими вождями, как это дано в вышеприведенной цитате Розы. Для нее, поэтому, вопрос о всеобщей стачке есть вопрос о размежевании между революционерами и оппортунистами, между подлинной пролетарской политикой и мелкобуржуазной. Указывая на стихийность революционного взрыва, на огромную роль неорганизованных рабочих масс, на невозможность отделить чисто экономическую стачку от политической, подчеркивая, что всеобщая стачка не может быть только оборонительной, а поневоле перерастает в наступательную — против всего капиталистического строя в целом, Роза отчетливо формулирует конечную цель революционных боев, которые вырастают из массовой, всеобщей стачки. «... В период открытой переходной политической борьбы, — заявляет она, — в Германии дело может идти только о диктатуре пролетариата, как о последней исторически необходимой цели».

Ясность, с которой Роза Люксембург формулировала основные задачи, ставшие перед рабочим классом Германии, ее несокрушимая вера в революционную мощь пролетариата, ее анализ русской революции 1905 г., недвусмысленная трактовка «русских» методов как международных методов, жесточайшая критика всякого вида оппортунизма — все это в период после революции 1905 г. сделало Розу Люксембург общепризнанным главой левой, революционной фракции в Германии и одним из виднейших вождей международной левой на конгрессах Второго интернационала. Она выступает на Амстердамском конгрессе в духе революционного марксизма по вопросам о всеобщей стачке и колониальном, вносит поправку об использовании войны для

сокрушения капиталистического строя совместно с Лениным и другими на Штутгартском конгрессе, пламенно откликается на революционные события в международном масштабе в прессе и на собраниях. Она выступает почти на всех партийтагах германской социал-демократии с пропагандой своих революционных взглядов. Вместе со своими единомышленниками Радеком, Мерингом, Панекуком и другими она критикует сползание Каутского на позиции оппортунистов, обнаружившееся, как мы видели, уже в 1910 г.

В серии статей, главным образом на страницах «Neue Zeit»¹ и провинциальных социал-демократических газет, по вопросам о роли парламентаризма, о массовой стачке, о тактике истощения, об отношении к войне, «лозунгу разоружения», к империализму — «левые радикалы» развивают свои взгляды на политику социал-демократической партии, попутно критикуя «центристские» колебания Каутского. Роза Люксембург доказывает, что борьба с империализмом требует новой тактики, требует массовых выступлений, нового руководства со стороны партии, подготовки ко всеобщей стачке, к революции. Она вновь и вновь подчеркивает, что парламентаризм вырождается, что предстоят ожесточенные схватки, что необходимо вести самую деятельную борьбу против ухудшающегося положения масс, против подготовки к войне. Когда Каутский отвечает софизмами, хулит «русские методы» как признак «отсталости» русского рабочего движения, ориентируется на возрождение немецкого «либерализма», рекомендует чуть ли не блок с левой буржуазией, — Роза Люксембург отвечает: «Ничто так быстро и основательно не разрушалось действительным развитием, как тактические методы Каутского за последние три года: как его стратегия истощения (Ermattungsstrategie), которая основывается только на парламентаризме и ничего не хочет знать о настоящем большинстве партии, как его теория «разоружения», которая ушла в небытие (im Okus verschwunden ist), как его «новый либерализм», как его «совершенно новая ситуация» после новых выборов в рейхстаг, как выросшая под его благословением тактика укрощения² (Dämpfungstaktik) во время выборов. Так пойдет и в будущем. Тактика, которая служит не передовым стремлениям масс, а торможению, может дожить только до того, что она будет преодолена практикой и без внимания отброшена в сторону».

Анализируя содержание, которое вкладывал Каутский в понятие «всеобщая стачка», Роза разоблачает пустоту анализа Каутского, покрывающего отказ последнего от революционного действия. «Что остается собственно от теории массовой стачки товарища Каутского, — спрашивает Роза, — когда он показал все ее «невозможности»? Единственная, «последняя», чисто политическая массовая стачка, которая только один-единственный раз, отделенная от экономической стачки, и совсем в конце раздражается как гром среди ясного неба».

¹ Редакция „Neue Zeit“ неоднократно отказывала Розе в печатании ее статей, направленных против Каутского.

² Речь идет о „тактике укрощения“ по отношению к массам, которые недвусмысленно высказывались за внепарламентские методы борьбы.

И если речь идет о «единственной и последней» стачке, как выражается Каутский, «не на жизнь, а на смерть», то как можно на нее reversal им всеобщей стачки в «социальный миф», отказ от всеобщей стачки. «Последняя стачка» Каутского, с точки зрения Розы, «не вытекает из действительности», а нарисована из чистого «представления». Она означает отказ от революционного руководства масс, гашение революционного духа. «Потрясающая небо теория и «истощение» на практике, — формулирует Роза вилляния Каутского, — революционнейшие перспективы в облаках и мандаты в рейхстаге, как единственная перспектива в действительности».

Она не боится кличек «авантюристы», «бланкисты», пропагандисты «революционной гимнастики», которые обильно расточал по адресу «левых радикалов» Каутский. Роза гордится тем, что она делает «русские» методы немецкими, интернациональными. Эти «русские» методы, — пишет она, — разделяют организации в Штутгарте, Эссене, Золингене, во всем Нижне-рейнском округе, в Берлине, в Готском герцогстве, в Саксонии, редакции «Равенства», брауншвейгской, эльберфельдской, эрфуртской, дортмундской партийных газет и многие другие «авантюристы» и «синдикалисты». Чувствуя за собой массы, протризм и показывает его внутреннюю сущность во всей неприкрашенной наготе. Из обострившихся отношений эпохи империализма, из нарастающего гнева пролетарских масс Роза делает самые последовательные выводы о необходимости готовиться к революционным боям, перестроить руководство, в корне изменить тактику.

Совместно с Розой выступают Панекук, Радек и Ленш. Панекук в статье «Массовые действия и революция» пишет: «Происходившие до сих пор массовые выступления составляют лишь начало периода революционных классовых боев, в течение которых пролетариат должен не пассивно выжидать, пока извне пришедшие катастрофы начнут сотрясать мир, но должен сам непрерывно наступать, чтобы, двигаясь вперед, в тяжелой, полной жертв работе создать свою мощь и свою свободу. Это и есть «новая тактика»».¹

Теорию Каутского он называет «теорией бездейственного воздержания» и «пассивного радикализма» и отмечает ее родственность ревизионизму. «В противоположность нашему учению о революционной активности пролетариата, который воздвигает свое господство в период повышающегося массового действия и все больше разламывает (abträgt) силу классового государства, — пишет Панекук, — эта теория пассивного радикализма не ожидает никакой перемены от сознательного действия пролетариата. Этот пассивный радикализм сходится с ревизионизмом в том, что исчерпывает нашу сознательную деятельность в парламентской и профсоюзной борьбе, а потому и неувиди-

¹ Разрядка моя, как и дальше, кроме оговоренных мест. — Г. З

тельно, что его практика часто... знаменует собой сближение с ревизионистской тактикой».¹

Анализируя империалистическую эпоху и ее особенности, Панекук приходит к тому же выводу, что и Роза: время демократии прошло, словесные бои в парламенте являются только преддверием к более ожесточенным сражениям другими средствами. «В происходивших до сих пор боях ни один из борющихся классов не использовал еще наиболее острых орудий... В предстоящих боях за власть оба класса вынуждены будут прибегнуть к острейшим орудиям, к сильнейшим средствам войны: без того, чтобы померяться друг с другом, невозможно никакое разрешение вопросов власти».

Панекук приходит к радикальному выводу, имеющему огромное значение для революционного марксизма, к выводу о необходимости «слома» государственной буржуазной машины. «Борьба пролетариата есть не просто борьба против буржуазии из-за государственной власти, — пишет он. — Содержание пролетарской революции есть уничтожение орудий силы государства и вытеснение их орудиями силы пролетариата... Организация большинства показывает свое превосходство тем, что уничтожает организацию господствующего меньшинства».

Именно этот вывод Панекука привел в величайшее возмущение Каутского, который, по выражению Ленина, «по коренному принципиальному вопросу... целиком покинув позицию марксизма, перешел вполне к оппортунизму». Для Каутского социализм означал продолжение парламентаризма с социал-демократическим большинством в рейхстаге, для «левых радикалов» он означал совершенно новое качество. «Социализм — это не новое состояние, которое наступит где-то в конце пути, — писал тот же Панекук в другой статье «Сущность наших современных требований», — когда поезд проехал достаточно далеко и силы его истощены. Социализм означает совершенно новое, иное направление развития, которое может быть начато в каждой точке нынешнего развития и которое действительно будет начато со дня завоевания власти пролетариатом».

Эта радикальная постановка вопроса о государстве и социализме, начавшаяся грань между «левыми радикалами» и «центристами» — не есть еще вполне правильная, революционно-марксистская, — она отличается некоторыми весьма существенными нюансами от ленинской. «Формулировка, в которую облек свою мысль Панекук, — писал Ленин, — страдает очень большими недостатками». Основной грех формулировки Панекука Ленин видел в «неотчетливости» и «недостатке конкретности».²

Дело в том, что Панекук недостаточно подчеркивает необходимость не только слома буржуазной государственной машины, но и замены ее пролетарской государственной машиной. У Пане-

¹ Здесь, как и дальше, разрядка Панекука. — Г. З.

² Ленин, «Государство и Революция», т. XIV, ч. II, стр. 339.

кука нет упоминания даже о диктатуре пролетариата. Получается впечатление, что речь идет о борьбе против государства вообще, и напрашивается совсем неверный вывод, что с уничтожением буржуазного государства уже начинается эра социалистического, свободного от государственного принуждения общества. «Борьба прекратится лишь тогда, — писал Панекук, — когда, как конечный результат ее, наступит полное разрушение государственной власти». Между тем, в полемике с Бухариным Ленин писал в 1916 г. «От анархистов нас отличает: а) использование государства теперь и б) во время революции пролетариата («диктатура пролетариата») — пункты важнейшие для практики тотчас» (Цитировано по И. Сталину — «О правом уклоне в ВКП(б)», Гиз, 1930 г., стр. 72). Именно, этого полного отмежевания от анархистского понимания борьбы с государством у Панекука мы не находим.

Весьма характерно, что Панекук и вся группа Розы Люксембург в полемике с Каутским не ставили вопроса о вооруженном восстании. Самым острым методом борьбы группа считает массовую стачку: на нее она возлагает все надежды, и, по сути говоря, массовые, внепарламентские действия исчерпываются этой самой массовой стачкой. Нельзя не отметить этой недоговоренности «левых радикалов», как по вопросу о государстве, так и по вопросу о методах борьбы за социальную революцию.

Эта недоговоренность объясняется не вполне четким представлением о характерных чертах эпохи империализма. Всего ярче это выражается у Розы Люксембург, которая, как мы увидим дальше, дала неправильную, фаталистическую теорию империализма. Но и у Панекука в определении империализма далеко не все благополучно. Основные черты империализма по Панекуку заключаются в следующем: «политика мировой державы, военные приготовления, в особенности, сооружение флота, колониальные завоевания, рост налогов, опасность войн, усиление духа насилия и стремление к власти у буржуазии, реакция внутри страны, прекращение социальных реформ, сокращение предприятий, затруднения профессиональной борьбы, дороговизна». В этом определении нет важнейшего, что характеризует эпоху империализма: нет тезисов о сращении банкового и промышленного капитала, о вывозе капиталов, наконец, о загнивании капитализма. Одним словом, Панекук подчеркивает главным образом политический и экономический стороны вопроса об империализме.

Гораздо дальше Панекука идет Пауль Ленц, впоследствии скатившийся к социал-шовинизму. В 1912 г. в статье «Импровизация» он писал: «Параллель, которую проводит Каутский между хозяйственным образованием капиталов на внутреннем рынке и политическим развитием государств в мировой политике, эта параллель — чисто внешняя и схематичная... Картельная система довела до предела революционные противоречия между мощно поднимающимися производительными силами общества и капиталистическим способом производства... То же значение, что и соперничество трестов, имеет также и колониальная политика для господствующих

классов. Она образует важнейшую предпосылку соперничества трестов, а стремление к новым колониям имеет целью не вытягивать из них деньги, а, наоборот, вложить в них деньги, то есть затратить часть излишних производительных сил».

Ленш прямо указывал, что вопрос об отношении к «разоружению» тесно связан с вопросом об отношении к империализму, к применению новой тактики, к революции. «Все дебаты по поводу «разоружения», — писал Ленш в статье «Милиция и разоружение», — являются только частью того большого спора, который мы наблюдаем в последние два года и который получил свое выражение в предложениях товарища Розы Люксембург о массовой стачке и продолжение в статьях Панекука о массовых действиях. Его содержанием является вопрос: какую тактическую установку берет социал-демократия по отношению к империализму? Ответ на этот вопрос опять же зависит от того, что мы понимаем под империализмом. По отношению к нему можно принять одну позицию, если видеть в соперничестве трестов и разделе колониальных стран переходящий эпизод развития, которое может принять однако и другие формы и совершенно другую позицию, если видеть в империализме главным образом последнюю фазу развития капитализма, с необходимостью приводящую к социализму».

Ленш формулирует свою мысль достаточно ясно, когда говорит несколько дальше, что «империализм в действительности означает эпоху революций, является последним словом капитализма», и когда делает из своих предпосылок следующий вывод: «Социализм перестал быть далеким идеалом, он стал неминуемой целью практической политики. Капиталистическому призыву к империализму нам абсолютно нечего противопоставить кроме призыва к социализму».

К тем же выводам приходил и Радек в своих работах, посвященных империализму. «Когда империалистические интересы рассматриваются не как интересы буржуазии в целом, а отдельных ее клик, — писал он в статье «К нашим боям против империализма», — тогда надеются принудить борющиеся лагеря к взаимным уступкам, к известному соглашению, путем давления пролетарско-буржуазной оппозиции, особенно потому, что, во-первых, крестьянство в целом должно защищать буржуазные интересы против отдельных интересов клик, а во-вторых — правительство должно бояться позиции масс во время империалистического столкновения». На самом деле, все эти надежды не выдерживают критики, так как империализм есть политика буржуазии, как класса в целом, а государство — его агент, и задачей социал-демократии является «жесточайшая борьба против всего международного империализма».

Никакие комбинации с «разоружением», никакие фокусы социал-демократических «реальных политиков» противопоставить парламент и демократию войне и насилию не помогут. Единственным подлинно жизненным лозунгом является поэтому «социализм против империализма». «Все или ничего, — писал в той же

статье Радек, — социализм или неистовства империалистического пожара — эта альтернатива не является альтернативой лозунгов, которые выставляют, будучи настроены анархо-синдикалистски, или высмеивают, будучи реальными политиками. Это объективная альтернатива, поставленная капитализмом» (разрядка Радека. Г. З.).

Идя значительно дальше Панекука, уточняя вопрос о характерных признаках эпохи империализма, Радек и Ленш, как и Панекук, не доходили до конца в своем определении. Недостаточно подчеркивая важнейший момент — загнивание империализма, — все трое не могли сделать и вполне четкого вывода о необходимых лозунгах борьбы: все они противопоставляют империализму социализм. Это, в общем, верно, но это слишком расплывчато: империализму надо было противопоставить диктатуру пролетариата. Это сразу уточнило бы задачи пролетариата и его партии, это рассеяло бы иллюзию, которая создается от противопоставления империализму социализма, — что социализм наступит автоматически, сразу, немедленно после уничтожения буржуазного государства. Не случайно поэтому у всех «левых радикалов» борьба ограничивается всеобщей стачкой и проблема вооруженного восстания как бы снимается.

Тем не менее заслуги «левых радикалов» накануне войны бесспорны: они на ряду с русскими большевиками выступали против ревизионизма и «центризма». Они дали революционное определение империализму, как последней фазе капитализма, и сделали из этого совершенно правильный вывод о необходимости борьбы с империализмом не на жизнь, а на смерть, они поняли огромное значение движения неорганизованных масс и выдвинули новую тактику, разрабатывая теорию борьбы с капитализмом и войной путем всеобщей стачки, они защищали идею борьбы за разрушение буржуазного государства, они не побоялись выступить против общепризнанного авторитета и теоретика Второго интернационала, Каутского, лишь только увидели, что он сползает к оппортунизму и превращается в подлинного врага пролетарской революции.

Однако, недоговоренности и остатки «центризма» были и у самых «левых» радикалов, — и у самого сильного их представителя, у «орлицы» Розы Люксембург, эти недоговоренности выросли в целую теорию, уклоняющуюся от революционно-марксистского разрешения вопроса об империализме. Мы говорим о капитальном труде Розы Люксембург «Накопление капитала», до сегодняшнего дня являющимся теоретическим основанием для «правых» и «левых» уклонов в Коминтерне. Здесь не место подробно останавливаться на разборе империалистической теории Розы, которой достаточно занимались в нашей экономической литературе, — укажем хотя бы на работу Бухарина «Империализм и накопление капитала». Отметим только важнейшие ее ошибки. Все ее рассуждения, направленные в первую очередь против Каутского предвоенных лет, покоятся на основной предпосылке, взятой у Каутского же эпохи революционного подъема.

Она сама пишет, что методологический исходный пункт Каутского о противопоставлении промышленных стран аграрным взят ею за основу теории кризисов, что эту теорию она «лишь детально разработала в применении к проблеме накопления». Она видит задачу империализма в уничтожении диспропорции между промышленными и аграрными странами и переносит центр тяжести вопроса из производственной сферы в сферу рынка и обращения, в сферу реализации за счет «третьих лиц». Но, поскольку в мире существуют еще огромные пространства аграрного характера, где империализм может развивать свои силы, реализуя свое накопление, — прогрессивная роль империализма таким образом ее теорией как бы утверждалась. Проблема загнивания империализма отодвигалась на далекое время, оказывалась лишь концом очень длительного процесса, когда все аграрные страны индустриализуются и дальнейшее накопление капитала станет невозможно. Из теории Розы Люксембург таким образом вовсе не следовало, что империализм есть особый, последний этап капитализма, что он знаменует собой усиление растущих противоречий, которые могут быть разрешены только революционным взрывом. «Если бы теория Р. Люксембург была хоть мало-мальски правильной, — пишет Бухарин, — то дела революции обстояли бы поистине плохо. Ибо при наличии такого огромнейшего резервуара «третьих лиц», какой несомненно есть «налицо», о «крушении» практически нечего было бы и мечтать. Пришлось бы рассуждать, несомненно, «по Кунову»: поле для капиталистической экспансии (в смысле наличия «третьих лиц») еще настолько колоссально, что лишь утописты могут всерьез разговаривать о каких-то пролетарских революциях. Не крушение социализма эпохи II Интернационала произошло на самом деле, а крушение иллюзий о близкой победе социализма. На самом деле капитал еще отнюдь не выполнил своей исторической миссии, и граница капиталистического развития отстоит от нас еще очень и очень далеко».

Но Роза Люксембург была революционеркой и не делала оппортунистических выводов из своей неправильной теории. Ее теория крушения носила характер «экономического фатализма», и ожидание революционного взрыва как бы вступало в противоречие с этим объективным процессом. Непродумывание до конца диалектики общественного развития было одной из причин неверных выводов, к которым иногда приходила Роза. С ее неверной фаталистической теорией крушения капитализма связано и неправильное разрешение национального, крестьянского и организационного вопросов, «полуцентристское» толкование вопроса о революции, о бланкизме, о насилии. Борясь против шовинизма Польской социалистической партии (ППС), Роза, вместе с тем, не могла понять необходимости сочетать интернациональные лозунги с «правом нации на самоопределение». В русской и польской революции она не до конца поняла значение крестьянства, как революционного фактора, и лозунг большевиков о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Она противопоставляла буржуазную революцию социалистической, но не могла понять всей сложности противоречий эпохи империализма, когда буржуазная рево-

люция одновременно является и началом перехода к социалистической, перерастает в нее при известных условиях.

Жестоко критикуя бюрократов из партийных и профессиональных аппаратов, Роза Люксембург одновременно недооценивала действительной роли этого аппарата в руках революционеров. Она солидаризовалась с меньшевиками по организационному вопросу и выступала против ленинских принципов организации. «В боязливом стремлении части русских социал-демократов опекой вездесущего и всеведущего ЦК предохранить от ложных шагов столь многообещающее и жизнерадостно развивающееся русское рабочее движение, — писала Роза о большевиках, — нам слышится... отголосок того самого субъективизма, который уже не одну шутку сыграл с русской социалистической мыслью». То, что Роза приписывала большевикам, «субъективизм», был обратной стороной фатализма, которым страдала Роза. Переоценка «стихийности» массового движения характеризует не только Розу, но, пожалуй, всех «левых радикалов», — по крайней мере у Панекука можно найти много высказываний в духе Розы на этот счет, а все «левые» радикалы» ведь делали из этого во время войны определенные политические выводы: они надеялись, что «стихия» исправит Каутских, и потому не отделялись от «независимых» вплоть до 1918 г. С точки зрения Розы, сознательное руководство не может идти впереди стихийного движения.¹ Она, столь часто упрекавшая справедливо Каутского за «хвостизм», сама впадает в этот грех, когда пишет, что в массовом движении «бессознательное предшествует сознательному, логика объективного исторического процесса — субъективной логике его носителей». Правильно констатируя, что революция никогда «не делается по команде», Роза не может однако правильно сочетать вопросов руководства с проблемой стихийности движения. Анализируя уроки массовых стачек в эпоху русской революции 1905 г., Роза всюду подчеркивает стихийность движения масс, которые опережали руководство. Эту слабость русского революционного движения Роза принимает за ее силу, возводит ее в достоинство, в добродетель. «Искусственно организованная единичная демонстрация городского пролетариата, массовая стачка, проведенная исключительно из чувства дисциплины и по указаниям дирижерской палочки правления партии, — опасается она, — могла бы оставить безучастными и безразличными более широкие городские слои». А в самый канун войны в споре с Каутским она прямо заявляет: «Во время революции какому-нибудь руководящему органу пролетарского движения крайне трудно предвидеть и определить, какие поводы и какие моменты могут привести к взрыву и какие нет. И здесь инициатива и руководство выражаются не в произвольном командовании, а в возможно более удачном применении к обстоятельствам и возможно более тесном соприкосновении с настроением масс... Момент

¹ См. работу И. Альтера — «Роза Люксембург в борьбе с реформизмом». „Прибой“ 1927 г., и особенно его же статью — «Роза Люксембург о пролетарской революции» („Под Зна. Маркс.“ 1928 г. № 7—8), где подробно вскрыта недооценка Розой роли организованности рабочего движения.

возникновения массовой стачки зависит от революционного периода, которому в этом смысле принадлежит руководство». А в другом месте она заявляет, что можно ограничиться пропагандой всеобщей стачки, «остальное мы смело предоставляем ходу вещей, с твердой уверенностью, что история работает за нас». Она не понимает необходимости технической подготовки к восстанию или всеобщей стачки, того, что Маркс, а за ним Ленин называли «искусством восстания». «Вместо того, чтобы ломать себе голову над технической стороной дела, над механизмом массовой стачки, социал-демократия призвана быть политической руководительницей», — заявляет она. Как будто политическое руководство не нуждается в технической подготовке и наоборот!

И в расшифровке понятия революции Роза Люксембург шла не до конца: ей казалось, что централизованная организация, вооруженное восстание, техническая подготовка к нему являются признаками бланкизма. На Штутгартском партийтаге (1898 г.) она говорила, возражая оппортунисту Фольмару: «Он бросил мне упрек в том, что я мечтаю о насильственных методах... я стою как раз на противоположной точке зрения и утверждаю, что единственный метод насилия, который приведет нас к победе, это — социалистическое просвещение рабочего класса в его повседневной борьбе». А на Ганноверском конгрессе она прямо выступает в духе Каутского: «Отнюдь не следует представлять себе революцию только под видом вила и кровавой борьбы. Революция может протекать также и в культурных формах, и как раз пролетарская революция больше всякой другой может на это рассчитывать; мы меньше всех хотим прибегать к насилию, меньше всех жаждем грубой революции. Но это зависит не от нас, а от наших противников, и мы должны отказаться от обсуждения вопроса о форме завоевания власти; это — вопросы обстоятельств, относительно которых в настоящее время мы ничего не можем предсказать».

«Центристское» понимание революции у Розы таким образом налицо. Она боится обвинения в бланкизме, как огня: в этом сказалась обстановка оппортунистического загнивания, окружавшая Розу, ее не вполне диалектическая углубленность в законы общественного развития. Боясь «грубой революции» в духе Бланки, Роза отрицательно относится и к «якобинско-бланкистскому типу» организации большевиков. Она питает слишком большие иллюзии, с одной стороны, относительно «стихий масс», которые переделают вождей, а с другой — относительно силы убеждения, которое заставит оппортунистов понять несомнимость их учения с пролетарским мировоззрением. Организационная терпимость по отношению к оппортунистам, фетишизация «партийного единства», боязнь поставить проблему до конца даже во время войны — все это тесно увязывается у Розы и у всех «левых радикалов» с остатками механического мировоззрения, с противопоставлением «стихийности» организованности, с пережитками «центризма» по вопросу о революции.

При огромных заслугах Розы и «левых радикалов» в истории рабочего движения, указанные нами недостатки не могли не сыграть отрицательную роль при дальнейшем развитии классовых противоречий, в особенности в эпоху войны, а затем и во время революции — вплоть до наших дней. «Левые радикалы» — самое выдержанное, революционно-марксистское течение в западно-европейском рабочем движении до войны. Если, как мы видели, ревизионизм был просто возвращением к буржуазной идеологии, а «центризм» тем же, но только прикрытым революционной фразой, то «люксембургизм», вобравшее в себя лучшее из кадров Второго интернационала, не было еще революционным марксизмом в полном смысле этого слова, не было еще ленинизмом.

Марксизм эпохи Второго интернационала был таким образом не какой-то единой теорией, общепризнанной и единообразно истолкованной. «Мирная» эпоха способствовала проникновению буржуазных влияний в пролетарское движение. Та часть рабочего класса, которая через мелкую буржуазию соприкасалась непосредственно с буржуазией, — рабочая аристократия, профбюрократия, — служила базой для откровенно-оппортунистического извращения марксизма, для правого ревизионизма. Экономической основой для «обуржуазивания» этой части рабочего класса являлось подкармливание ее со стороны буржуазии из тех сверх-прибылей, которые последние получала в эпоху империализма. «Получение монопольно-высокой прибыли капиталистами одной из многих отраслей промышленности, одной из многих стран и т. д. дает им, — писал Ленин, — экономическую возможность подкупать отдельные прослойки рабочих, а временно и довольно значительное меньшинство их, привлекая их на сторону буржуазии данной отрасли или данной нации против всех остальных» (Ленин, собр. соч., т. XIII, стр. 334). На этой основе создавался «союз немногочисленных верхних слоев пролетариата и мещанства, пользующихся крохами от привилегий «своего» национального капитала, против масс пролетариев, массы трудящихся и угнетенных вообще» (Ленин, там же, стр. 168). «Обуржуазившееся» меньшинство, по выражению Ленина, состояло из «почтительных, смиренных, реформистских и патриотических служащих и рабочих». Их привлекали «доходные и спокойные местечки в министерстве или в военно-промышленном комитете, в парламенте и разных комиссиях, в редакциях «солидных» легальных газет или в правлениях не менее солидных и «буржуазно-послушных» рабочих союзов» (Ленин, там же, стр. 473). Такова социальная база для откровенного оппортунизма, для правого ревизионизма.

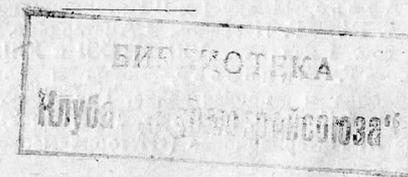
«Левый ревизионизм» или, как Ленин называл его, «мелко-буржуазный революционизм», питался теми прослойками рабочего класса, которые недавно оторвались от ремесла, не выварились еще в котле крупно-промышленных предприятий и привнесли в рабочий класс мелкобуржуазные бунтарские настроения разоряющегося мелкого хозяйчика. «Теоретически для марксистов вполне установлено, — и опытом всех европейских революций и революционных движений

подтвержденно, — писал Ленин, — что мелкий собственник, мелкий хозяйчик (социальный тип, во многих европейских странах имеющий очень широкое, массовое представительство), испытывая при капитализме постоянное угнетение и очень часто невероятно резкое и быстрое ухудшение жизни и разорение, легко переходит к крайней революционности, но не способен проявить выдержки, организованности, дисциплины, стойкости. «Взбесившийся» от ужасов капитализма мелкий буржуа — это социальное явление, свойственно — как анархизм, всем капиталистическим странам. Неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в «бешеное» увлечение тем или иным буржуазным «модным» течением — все это общеизвестно» (Ленин, собр. соч., т. XVII, стр. 125). Такова социальная база «мелкобуржуазного революционаризма», левого ревизионизма.

Ревизионизм в целом, как видим, является идеологическим продуктом социального бытия тех слоев рабочего класса, которые либо недавно вышли из рядов мелкой буржуазии, либо превращались в мелких буржуа, подкормившись под крылышками империалистической буржуазии. Подлинно пролетарские массы, крупно-промышленные, индустриальные рабочие, страдавшие под гнетом империализма, привыкшие к дисциплине и выдержке, к организации и совместным действиям, — стихийно тянулись к революционному марксизму, создавали базу для «левого радикализма», для ленинизма.

А «центр», — какова его социальная база и опирается ли он на какой-либо особый слой в рабочем классе? На этот вопрос нужно ответить отрицательно. История борьбы течений во II Интернационале показывает, что борьба шла между двумя основными течениями: оппортунизмом и революционным марксизмом. Последний, исторически овладевавший массами в «мирную» эпоху, сам обладал рядом недоговоренностей и неясностей, даже в лице «левых радикалов». Но это обстоятельство не должно заслонять перед нами главного: исторически прогрессивной роли, которую сыграл революционный марксизм эпохи II Интернационала в борьбе с ревизионизмом. Вплоть до 1907 г. (а для Каутского — до 1910 г.) мы имеем во II Интернационале единое ортодоксальное левое крыло, составлявшее большинство и ведущее за собой основные пролетарские массы, — от Бебеля и Каутского до Ленина включительно. Каутский и все пошедшие за ним представители так называемого «центризма», после революции 1905 г. перешли от левых на сторону правых, от революционных марксистов к ревизионизму. Этот переход был закономерно подготовлен рядом уклонов, которые характеризовали будущих «центристов», когда они пребывали еще в рядах единой левой. Но роль «центра» сводилась именно к тому, что он в годы, непосредственно предшествовавшие войне, изменил революционному марксизму, прикрываясь революционной фразой, фактически пошел рука об руку с оппортунистами. Таким образом, «центр» не был каким-то самостоятельным течением, опиравшимся на какой-

то особый слой в рабочем классе. Отсюда его эфемерность, недолговечность, слабость, колебания от одного полюса к другому. Опасность его заключалась в том, что своей революционной фразеологией он помогал оппортунистам удерживать и кой-кого из хороших революционных рабочих. «Не так страшен и вреден открытый оппортунизм, отталкивающий от себя сразу рабочую массу, — писал Ленин, — как эта теория золотой середины, оправдывающая марксистскими словечками оппортунистическую практику, доказывающая рядом софизмов несвоевременность революционных действий и пр.» (Ленин, собр. соч., т. XIII, стр. 179). Некоторую поддержку «центр» имел в инерции и партийного аппарата, который хотел витать над разногласиями, т. е. над классовыми противоречиями, сглаживать острые углы, продолжать «мирное житие». Когда противоречия накануне войны обострились, попытка соединить несоединимое — оппортунизм и революционный марксизм — немедленно потерпела крушение. К моменту войны Каутский и его союзники стали просто на просто союзниками ревизионистов, глашатаями оппортунизма. Прекрасное определение «центризма» дал Ленин: «Центр, — писал Ленин, — царство добренькой мелкобуржуазной фразы, интернационализма на словах, трусливого оппортунизма и угодничества перед социал-шовинистами на деле... Центр — люди рутинные, изъеденные гнилой легальностью, испорченные обстановкой парламентаризма и пр., чиновники, привыкшие к теплым местечкам и «спокойной» работе. Исторически и экономически говоря, они не представляют особого слоя, они представляют только переход из изжитой полосы рабочего движения, от полосы 1871 — 1914 гг., от полосы, давшей много ценного, особенно в необходимом для пролетариата искусстве медленной, выдержанной, систематической, организационной работы в широком и широчайшем размере, — к полосе новой, ставшей объективно необходимой со времени первой всемирной империалистической войны, открывшей эру социальной революции».¹ Но к этому времени водораздел между отдельными течениями в рабочем движении, претендовавшими на собственное истолкование марксизма, окончательно определился. Единственным и подлинным дополнением и развитием революционного марксизма стал ленинизм.

¹ Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. I, стр. 53 — 54. Разрядка Ленина. Г. Э. В другом месте Ленин писал: «Каутскианство не представляет никакого самостоятельного течения, не имея корней ни в массах, ни в перешедшем к буржуазии привилегированном слое» (т. XIII, стр. 481).

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ.

К очерку первому.

В. И. Ленин, Империализм как новейший этап капитализма. Собр. соч. т. XIII. — Е. Б. Пашуканис, Империализм и колониальная политика. М. 1928. — Д. Гобсон, Империализм. Л. 1927. — Tyszkа, Löhne und Lebenskosten in Westeuropa im 19 Jahrhundert, 1914. — Тышка, Мировая хозяйственная проблема современных индустриальных государств, М. 1924. — Н. Лукин, Очерки по новейшей истории Германии. Гиз. 1925. — И. Книжник, Эпоха империализма и II Интернационала в таблицах. М.-Л. 1927. — Annuaire statistique de la France за 1910 и 1917 гг.

Les Congrès socialistes internationaux. — Ordres du jour et résolutions, publiés par le Bureau Socialiste International de Bruxelles. Bruxelles. 1902. — Verhandlungen und Beschlüsse des Internationalen Socialistischen Arbeiter und Gewerkschaft-Kongresses zu Paris (1889), Bruxelles (1891), Zürich (1893), London (1896), Paris (1900), Basel (1912). — Le sixième Congrès socialiste international (Amsterdam 1904), compte rendu analytique publié par le B. S. I., Bruxelles 1904. — Le septième Congrès international, tenu à Stuttgart du 16 au 24 août 1907, compte rendu analytique publié par le B. S. I., Bruxelles 1908. — Le huitième Congrès socialiste international, tenu à Copenhague du 28 août, publié par le B. S. I., Gand 1911. — L'Organisation socialiste et ouvrière en Europe, Amérique et Asie, publiée par le B. S. I., Bruxelles 1904. — L'Internationale ouvrière et socialiste, rapports soumis au Congrès socialiste international de Stuttgart, publiés par le B. S. I. (2 тома), Bruxelles 1907. — Rapports sur le mouvement ouvrier et socialiste, soumis par les Partis affiliés au Congrès socialiste International de Copenhague, Bruxelles 1910. Журнал «Revue Socialiste», т. XXXII, статьи — G. Rouannet, Les deux congrès de 1900; т. XL. — Albert Thomas, Le congrès d'Amsterdam; т. LII — Candide — Impressions sur le Congrès de Copenhague. — Журнал «Le mouvement socialiste» № 172 (1 Novembre 1904), F. M. Wibant — Les Trusts au Congrès d'Amsterdam; № 188 (15 juillet 1907). Robert Michel. — Le prochain Congrès socialiste international; № 224 (octobre 1910) — H. Lagardelle, Le congrès de Copenhague; Max Perlstein, Les débats du Congrès de Copenhague. В том же номере напечатана анкета «Le congrès de Copenhague et l'opinion socialiste» с мнениями Вальяна, Жореса, Бертра-на; № 226, — Max Perlstein — Les Débats du Congrès de Copenhague.

Jean Longuet, Le mouvement socialiste international. Paris 1913. (В серии «Encyclopédie Socialiste» под редакцией Компер-Мореля), — E. Milhaud, La tactique socialiste et les décisions des congrès internationaux, Paris 1905, — L. de Seilhac, Les Congrès ouvriers, Paris 1899. — Ц. Фридлянд, История Западной Европы, т. II. М. 1928. — Ц. Фридлянд и А. Слуцкий, История революционного движения в Зап. Европе (1789 — 1914), М. 1927. — В. Бушуев, II Интернационал, 1925. — Гуго и Штегман, Справочная книга социалиста, т. I, Спб. 1906. — Х. Лурье, Между I и II Интернационалами. М. 1928. — Г. Плеханов, Собр. соч. т. IV. — Г. Плеханов, В Амстердаме, изд. «Красная Новь» 1923. — Ленин, Собр. соч. I изд., тт. VIII, XI, XII и XIII. — Ленин и Зиновьев, Против течения. — Г. Зиновьев, Война и кризис социализма. — Грюнбергер, Интернационал и мировая война. Гиз. 1919. — Г. Зиновьев, Как зародился Коминтерн («Коммунист. Интерн.» 1924, № 2), — В. Баевский, Большевики в борьбе за III Интернационал («Историк-марксист» т. XI, 1929)

К очерку второму.

Léon Blum, Les congrès ouvriers et socialistes français, Paris 1901. — Dixième congrès national du parti ouvrier. Tenu à Marseille du 24 à 28 septembre 1892. Lille. — Onzième congrès nat. du p. o. Tenu à Paris du 3 à 9 oct. 1893. Lille 1893. — Douzième congr. nat. du p. o. français. Tenu à Nantes du 14 à 16 septembre 1894. Lille

1894. — Onze ans d'histoire socialiste (1889 — 1900). Paris 1901. — La Lanterne, journal politique quotidien. Paris 1892. — Revue socialiste, т. XV Janvier — Juin 1892. — E. Vandervelde. — Le socialisme agricole. Discours prononcé à la Chambre 1896. «Allmanach du Parti ouvrier pour 1894». Paris 1894. — Guesde et Lafargue, Le programme du parti ouvrier. — Paul Lafargue, Programme agricole du Parti ouvrier Français. — П. Лафарг. Сочинения, т. I, изд. Ин-та Маркса и Энгельса. Гиз. 1925. — J. Guesde, Etat, Politique et Morale de classe. Paris 1901. — A. Zévaès. Les Guesdistes. Paris 1911. — M. Charnay, Les Allemanistes. Paris 1912. — Levasseur, Questions ouvrières et industrielles en France sous la Troisième République. Paris 1907. — Рудольф Гербер, Франция («Очерки по аграрному вопросу», под ред. Е. Варга). М. 1924. — Паскаль и Сандомирский, Французская социалистическая партия. Гиз. 1928. — Ц. Фридлянд, История Зап. Европы, т. II. «Пролетарий» 1928. «Journal des Economistes» за 1880, 92, 93, 94 и 95 гг. — 6-е Congrès National tenu à Saint-Etienne en 1909. — Comptère Morel — La Question agraire et le socialisme en France. Paris, 1912.

Protokoll des Parteitage der S-D. P. D. zu Frankfurt. 1894. — Protokoll d. Parteitage des S-D. P. D. zu Breslau. 1895. — Аграрный вопрос. Речи и дебаты на съездах во Франкфурте в 1894 г. и в Бреславе в 1895 г. (Основные вопросы программы и тактики на съездах герм. с.-д., под ред. В. Волина, с предисл. П. Маслова). М. 1907. — Protokoll über die Verhandlungen des II Parteitage der Bayerischen S-D. zu München 1894. — Protokoll über die Verhandlungen des III Parteitage der Bayerischen S-D. zu Nürnberg, 1896. — «Neue Zeit» за 1893-95 гг. — В. Конштэд, Аграрный вопрос в германской с.-д. Спб. 1907. — К. Каутский, Аграрный вопрос. С предисл. И. И. Стучки. «Пролетарий» 1923. — Герц, Аграрные вопросы с точки зрения социализма. Спб. 1900. — Э. Давид, Социализм и сельское хозяйство. — О. Тахилевич, Маркс и Энгельс о крестьянстве. Гиз. 1928. — Е. Ривлин, Аграрная дискуссия в германской с.-д. («Марксистский Сборник № 1. Минск. 1929). — Р. Гербер, Германия («Очерки по аграрному вопросу», под ред. Е. Варга). М. 1925. — Его же — Аграрный вопрос в германской социал-демократии. «Моск. Раб.» 1929. — E. Bernstein, Berliner Arbeiterbewegung von 1890 bis 1905. Berlin. 1924.

Ф. Энгельс, Крестьянский вопрос во Франции и Германии. С пред. Г. В. Плеханова. Гиз. 1922. — Protokoll des Internationalen Socialistischen Arbeiterkongresses in der Tonhalle Zürich. 1893. — International Socialist Workers and trade union congress. London. 1896. Revue Socialiste т. XIV, juillet — décembre 1891, т. XX, juillet — décembre 1894. (Приведен доклад Румынской с.-д. партии Цюрихскому конгрессу 1893 г.). — В. Чернов, Марксизм и аграрный вопрос. Спб. 1907. — Е. Сталинский, Аграрный вопрос в международном социализме. Спб. 1917. — Briefwechsel zw. Marx u. Engels, т. IV: Письма И. Ф. Бекера, И. Дидгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. Ф. А. Зорге и др. С пред. Н. Ленина. Спб. 1907. — Ф. Энгельс, Забытые письма. Гиз. 1922. — Ф. Энгельс, Политическое завещание. М. 1922. — Г. Джордж, Прогресс и бедность. Спб. 1906. Г. Джордж, Земельный вопрос. М. 1907. — Парвус, Мировой рынок и сельскохозяйственный кризис. Спб. 1898. — М. Туган-Барановский, Национализация земли. Спб. 1906. — К. Тышка, Мировая хозяйственная проблема современных индустриальных государств, М. 1924. — Ф. Ротштейн, Великобритания (статья в Большой Советской Энциклопедии, т. IX). — А. Сиринов, Очерки по аграрной статистике, т. I. Статистика сельских хозяйств в Зап. Европе. Спб. 1912. — В. И. Ленин. Собр. соч. изд. I, т. IX.

К очерку третьему.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, перев. Адоратского. М. 1922; Г. В. Плеханов, Анархизм и социализм. Изд. Ин-та Маркса и Энгельса. Гиз. 1929. — Д. Гильом, Интернационал, изд. «Голос Труда». — Д. Рязанов, Маркс и Энгельс. Изд. «Моск. Раб.» 1923. — М. Бакуни, Интернационалистам Романьи («Каторга и ссылка», июль 1926 г.). — В. И. Ленин, Собр. соч. I изд., т. XII, ч. II. Verhandlungen und Beschlüsse des internationalen Arbeiterkongresses zu Brüssel. — Г. В. Плеханов. Собр. соч. т. IV. — Protokoll des internationalen socialistischen Arbeiterkongresses in der Tonhalle Zürich. — Verhandlungen und Beschlüsse des internat. socialistischen Arbeiter und Gewerkschaftskongresses zu London. —

Georges Renard, Le Congrès international de Londres („Revue Socialiste“ 1896 г. т. XXIV), — E. Mause, Avant le congrès, Ego же, Après le congrès, — P. Argüriades, Le Congrès de Londres et les divisionnaires (статьи в журнале „La Question sociale“ за 1896 г.). M. Charnay, Les Allemanistes, Paris 1912; Réunions plénières du Bureau socialiste International, изд. B. S. I. — Bulletin périodique du Bureau Socialiste International (с 1909 по 1913 гг.). — В. И. Ленин. Собр. соч. I изд., т. XI, ч. I. — *Ordre du jour et Résolutions publiés par le Bureau socialiste International de Bruxelles, Gand 1902.* — Le septième Congrès socialiste international tenu à Stuttgart du 16 à 24 août 1907. Compte rendu analytique publié par le B. S. I., Bruxelles 1907. — Le sixième Congrès socialiste international (Amsterdam 1904), compte rendu analytique publié par le B. S. I., Bruxelles 1904. — J. Longuet, Le mouvement socialiste international, Paris 1913. — Le huitième Congrès socialiste international tenu à Copenhague du 28 août en 3 septembre 1910 publié par le B. S. I., 1911. — В. И. Ленин, Собр. соч. т. XII, ч. II. — Я. Виленкин, Организационные принципы социал-демократии. Гиз. 1929.

К очерку четвертому.

Д. Рязанов, К 50-летию Анти-Дюринга. (Ф. Энгельс. — Анти-Дюринг, изд. Ин-та Маркса и Энгельса. 1928). — Г. Зайдель, Жюль Гед („Книга для чтения по истории нового и новейшего времени“, т. III, из-во „Пролетарий“). Jean Jaurès — Pages choisies. Paris 1922. — М. Н. Покровский, Борьба классов и русская историческая литература. Л. 1927. В. И. Ленин, Собр. соч. изд. I, т. XIII. — А. Бебель, Из моей жизни. Перев. Д. Рязанова. П. 1918, т. I. — J. Longuet — Le mouvement socialiste international, Paris, 1913. — Е. Тарле. Европа в эпоху империализма. М. 1928. — Письма Беккера, Дидгена, Энгельса, Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др., перев. с пред. Н. Ленина. Спб. 1907.

P. Brousse, La propriété collective et les services publics. Paris. 1883. — S. Humbert, Les possibilistes. Paris 1911. — М. Беер, История социализма в Англии, т. II. — The Book of the Labour party. Edited by Herbet Tracey. T. I. A. Orry, Les socialistes indépendants, Paris 1911. — Е. Ривлин, Борьба течений в германский с.-д. (1890—95). „Под знам. маркс.“ 1926, № II. — „Neue Zeit“ (1898—94. В. I.) — Protokoll über die Verhandlungen des II Parteitag des Bayerischen S.-D. Abgehalten zu München am 30 Sept. und 1 oktober 1894. — Protokoll des Parteitages der Deutschen Social Demokratischen Partei in Frankfurt. 1894. — Vollmar, Die nächsten Aufgaben. — Vollmar, Ueber Staatsocialismus. — J. Guesde, Les services publics et le socialisme 1883. — Жюль Гед, Речи, произнесенные в Палате Депутатов. Спб. 1908. — M. Charnay. Les Allemanistes. Paris. 1912.

Protokoll d. Parteitages der S. D. P. D. in Breslau 1895. — Protokoll des Parteitages der S. D. P. D. in München 1902. — Э. Бернштейн, Детство и юность, изд. „Моск. Раб.“ — Э. Бернштейн, В годы моего изгнания. Гиз Украины 1923. — „Neue Zeit“, IX, I. — E. Bernstein, Voraussetzungen des Socialismus. Stuttgart 1899. — E. Bernstein, Entwicklungen eines Socialisten (в сборнике: „Die Volkswirtschaftslehre der Gegenwart in Selbstdarstellungen, her. von d-r F. Meiner. Leipzig 1924). — Г. В. Плеханов, Собр. соч. т. XI. — В. И. Ленин, Собр. соч. изд. I, т. XII, ч. II. — Protokoll des Parteitages der S. D. P. D. in Stuttgart 1898. — А. Панекук, Первый отпор ревизионизму („Под знам. марксизма“ 1928 № 2). — Э. Бернштейн, Очерки из истории и теории социализма. Спб. 1912. — И. Альтер, Основные „принципы“ философии и методологии ревизионизма (на правах рукописи). Л. 1927, изд. В. Пол. Акад. РККА им. Толмачева. — Э. Бернштейн, Возможен ли научный социализм. Одесса 1906. — Э. Бернштейн, Классы и классовая борьба. — „Архив Маркса и Энгельса“, изд. Ин-та М. и Э. т. I. — С. Горловский, Борьба течений германской с.-д. в первые годы эпохи исключительных законов („Под знам. марксизма“ 1929 №№ 1 и 2—3). — Е. Ривлин, Борьба течений в герм. с.-д. в первые годы после исключит. закон. (там же, 1926 № IV).

— Domela Nieuwenhuis, Die verschiedenen Strömungen in der deutschen Socialdemokratie. Berlin 1892. — Его же, Le socialisme en danger. Préface par Elisée Reclus. Paris 1897. — Его же, La débacle du marxisme. Paris 1900. — Его же, Le militarisme. Paris 1901. Max Ascoli. — Georges Sorel, Paris. 1912. — Н. Бергсон, L'Evolution créatrice. — G. Sorel, La décomposition du marxisme. 3-e éd.

Paris. Rivière. — Черкезов. Предтечи Интернационала. Доктрины марксизма. М. 1919. — „Neue Zeit“ (1906 № 47). — Ж. Сорель. — Введение в изучение современного хозяйства. М. 1918. — G. Sorel, Réflexions sur la violence. 6-e éd. Paris, 1925. — G. Sorel, La Révolution dreyfusienne, 2-e éd. Paris, 1911. — G. Sorel. Matériaux d'une théorie du prolétariat. 2-e éd. Paris 1921. — Э. Берг. Идеология производителей (в сборнике „Социальное движение в современной Франции“. М. 1907). — Лягардель, Итоги социалистического опыта во Франции (там же). — М. Леруа, Эволюция государственной власти. Спб. 1907. — А. Лабриола, Реформизм и синдикализм. Перев. с итальянск., под ред. А. Луначарского. Спб. 1907. Ar. Labriola, Plekhanoff et le syndicalisme (Mouvement socialiste за 1908 г. №№ 198 и 201). — Э. Леона, Синдикализм. Перев. с итальянского Г. Кирдецова. М. 1907. — Г. В. Плеханов, Собр. соч. т. XVI. — Я. Виленкин, Де-Лон и его деятельность. („Под знам. маркс.“ 1926. № 31). Daniel de Léon, Flashlights of the Amsterdam Int. Soc. Congress, 1904. New York. Niles Charter, Guild Socialism, an historical and critical analysis New York. 1922. — М. Беер, История социализма в Англии, т. II. — Merheim, Передовые статьи в журнале „La vie ouvrière“ за 1911 г. (№№ 31, 32, 33, 34). — P. Monatte, Le Congrès du Havre („La vie ouvrière“ 1912 г. №№ 73—75). — Статья „Notre plan du Travail (там же, № 73). — Н. Лагардель, Рецензия на брошюру „Congrès Anarchiste d'Amsterdam (журн. „Mouvement Socialiste“ 1908 г. № 200).

К очерку пятому.

В. И. Ленин, Собр. соч. изд. I, т. XIII. — К. Каутский, Размножение и развитие в природе и в обществе. Соч. т. XII, изд. Ин-та Маркса и Энгельса, Гиз 1923. — K. Kautsky, Die materialistische Geschichtsauffassung, V. I. — Г. В. Плеханов, Собр. соч. т. XI. — К. Каутский, Очередные проблемы международного социализма (Сборник статей). Перев. с нем. В. Величкиной и Н. Ульяновой. Спб. 1906. — К. Каутский, К критике марксизма (Антибернштейн). Гиз 1923. — К. Каутский, Эрфуртская программа. М. 1905. — К. Каутский, Социальная реформа и социальная революция (в сборнике „Общественные реформы“ М. 1905). — К. Каутский, На другой день после социальной революции. П. 1918. — К. Каутский, Следствия русско-японской войны. Спб. 1906. — К. Каутский, Путь к власти. М. 1918. K. Kautsky, Socialismus und Kolonialpolitik. — В. Ленин, Собр. соч., I изд. т. XIV, ч. II. — К. Каутский, Революционные перспективы. — Статьи Каутского в „Neue Zeit“: Was nun, Eine neue Strategie, Krieg und Frieden (т. 28, ч. II), Die Aktion der Masse (30,1), Der neue Taktik. Zum kommenden Frieden, Nochmals die Abrüstung (30,2), Der jüngste Radikalismus (31,1). — И. Альтер, Теория пролетарской революции Каутского („Под знаменем марксизма“ 1928, № 4). — Дебаты о всеобщей стачке на Лильском конгрессе (Приложение к книге Ролланд Гольст — „Всеобщая стачка и соц.-демократия. Спб. 1906). — A. Zevaes — Le Socialisme en 1911, conclusions et annexes. Paris. 1912.

Р. Люксембург, Избранные сочинения, т. I, М. 1928. — Р. Люксембург, Социальная реформа или революция. — А. Панекук, Философские основы ревизионизма („Под знам. маркс.“ 1928, № 2). — Ф. Штампфер, Религия — дело совести каждого. Киев 1906. — А. Панекук, Религия и социализм. Киев. 1906. — Р. Люксембург, Коалиционная политика или классовая борьба. М. 1923. — R. Luxemburg, Gesammelte Werke. V. III, IV. — Р. Люксембург, Всеобщая забастовка и немецкая с.-д. П. 1919. — Протоколы V съезда РСДРП (Лондонского), „Моск. Раб.“ 1923. — А. Панеккюк, Der Kampf der Arbeiter (Leipzig 1909. Статьи Панеккука в „Neue Zeit“: „Massenaktion und Revolution“, „Das Wesen unserer Gegenwartsforderungen“ (XXX, II) и др.; — статьи К. Радека (там же): „Zoepft, Kolonien und Kolonialpolitik“, „Zu unserem Kampfe gegen den Imperialismus“. — Статьи Ленша (там же): „Die neuen Wehrvorlagen“, „Eine Improvisation“, „Miliz und Abrüstung. — И. Сталин. — О правом уклоне в ВКП(б). Гиз 1930. — В. И. Ленин. — Новые статьи и письма. Гиз 1930. Н. Бухарин, Империализм и накопление капитала. Гиз 1925. — И. Альтер, Роза Люксембург в борьбе с реформизмом. Л. 1927. — И. Альтер, Роза Люксембург о пролетарской революции („Под знам. маркс.“ 1928, № 7—8). — Э. Лейкин, Каутскианство в теории империализма (там же, 1926 №№ 11 и 12) — В. И. Ленин, Собр. соч. I изд. т. XIV, ч. I.

СОДЕРЖАНИЕ.

От автора	Стр.
Введение	3
Очерк первый. Этапы развития Второго интернационала	5
1. Период организации Второго интернационала	16
2. Зарождение и рост реформизма	17
3. Период руководящей роли централизма и крах Второго интернационала	18
Очерк второй. Аграрный вопрос во Втором интернационале	54
1. Аграрный кризис и перегруппировка классовых сил	66
2. Аграрная программа Французской рабочей партии	70
3. Аграрный вопрос в Германской социал-демократии	78
4. Аграрный вопрос в других социалистических партиях и на конгрессах II интернационала	91
Очерк третий. Организационные принципы Второго интернационала	105
1. Первый интернационал и организационные заветы Маркса	—
2. Вопрос о составе Второго интернационала	111
3. Международная организация и дисциплина	123
4. Единство партии	129
Очерк четвертый. Марксизм эпохи Второго интернационала	134
1. Предварительные замечания	—
2. Подготовка бернштейнианства	140
3. «Правый» ревизионизм	151
4. «Левый» ревизионизм	165
Очерк пятый. Марксизм эпохи Второго интернационала. (Окончание)	185
1. «Центризм»	—
2. «Левый» радикализм	208
Литература	232
Указатель имен	237